

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ИМЕНУЕМОМУ ЛИЦУ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «ЧЕРНЫЙ ГОРОД»: ПРОЗВИЩА И ПСЕВДОНИМЫ

© Ирина Паневина

LEXICAL WAYS OF EXPRESSING ATTITUDES TO THE NAMED PERSON IN B. AKUNIN'S NOVEL "BLACK CITY": NICKNAMES AND PSEUDONYMS

Irina Panevina

The article considers lexical ways of expressing attitudes to the named object in the novel "Black City" by Boris Akunin. We focus on nicknames and pseudonyms, which traditionally perform not so much identifying as characterizing and stylistic functions in fiction. Nicknames and pseudonyms, being a secondary nomination of a person, are intended to emphasize his or her individuality, true or desirable character traits and behavior. These functions are clearly manifested in the artificially created reality of a literary work. In a literary text, we find both the laws of linguistics, according to which onyms are created and function, and the laws of poetics, through which proper names enter into semantic-stylistic relations with other linguistic units, performing text-forming and stylistic functions, and participating in the character image formation. All of them, their forms, meanings and associations, become inseparably connected with the author's idea; so to deeper penetrate into it, we need to analyze the onomastic vocabulary. We have divided the collected material into two groups: nicknames and pseudonyms. The criterion for dividing these concepts is the authorship of the name: nicknames are usually invented by other people, while pseudonyms are created by the people themselves. In each group, the analysis of the characters' secondary names is carried out using the data from the text of the novel and, if necessary, extra-linguistic information is used, as well as the information from other texts in the Erast Fandorin series. If possible, the article provides motivation for the nomination of each name. At the end of the article, conclusions are drawn on the semantic and stylistic role of nicknames and pseudonyms in the text of the novel, we show their link to the plot line of the work and determine the role of the secondary nomination in expressing the attitude to the named object in the fictional text.

Keywords: proper name, nickname, pseudonym, characterization, nomination, motivation, evaluation, semantics, fictional text, Boris Akunin

В статье рассматриваются лексические способы выражения отношения к именуемому объекту в романе Бориса Акунина «Черный город». Основное внимание уделено прозвищам и псевдонимам, традиционно выполняющим в тексте художественного произведения не столько идентифицирующие, сколько характеризующие и стилистические функции. Прозвища и псевдонимы, являясь вторичной номинацией лица, призваны подчеркнуть его индивидуальность, истинные или желательные черты характера и поведения. С особенной силой проявляются указанные функции в искусственно созданной реальности литературного произведения. В художественном тексте действуют не только законы лингвистики, по которым создаются и функционируют онимы, но и законы поэтики, благодаря которым имена собственные вступают в семантико-стилистические отношения с другими языковыми единицами, выполняют текстообразующую и стилистическую функции, участвуют в формировании образа героя произведения. Все они, их формы, значения и ассоциации становятся неразрывно связаны с авторским замыслом, поэтому для более глубокого проникновения в него необходим анализ ономастической лексики. Собранный материал был разделен нами на две группы: прозвища и псевдонимы. Критерием разделения названных понятий стало авторство онима: прозвища, как правило, придумываются другими людьми, тогда как псевдонимы создаются самим человеком. В каждой группе был проведен анализ вторичного именования героя с привлечением данных текста романа и, при необходимости, экстралингвистической информации, а также информации из других текстов серии про Эраста Фандорина. Для каждого онима по возможности приведена мотивация номинации. В конце статьи сделаны выводы о семантико-стилистической роли прозвищ и псевдонимов

в тексте романа, показана их связь с сюжетной линией произведения, определена роль вторичной номинации при выражении отношения к именуемому объекту в художественном тексте.

Ключевые слова: имя собственное, прозвище, псевдоним, характеристика, номинация, мотивация, оценка, семантика, художественный текст, Борис Акунин

Известно, что литературный ономастикон вторичен по отношению к реальному, из которого автор произведения выбирает имена для своих персонажей. В жизни имя собственное (ИС) является прежде всего «ярлыком», способом отличить одного человека от другого, а семантика онима отходит на второй план. Так, не каждая София бывает мудрой, а Марк не обязан иметь отношение к молоту или к богу войны Марсу (семантика имен София – «мудрость», Марк – «молот; принадлежащий богу Марсу»). Когда речь идет об именах литературных персонажей, чаще всего писатель так или иначе соотносит имя и характер, судьбу героя. В реальности более мотивированными являются находящиеся, по мнению В. И. Супруна [1], на антропонимической периферии прозвища и псевдонимы, они представляют собой вторичную по отношению к реальному имени человека номинацию. Такие ИС выделяют, заостряют какие-то черты характера или внешности, напоминают о каких-либо обстоятельствах, связанных с именуемой личностью, или (чаще в случае с псевдонимами) указывают на желательные качества объекта номинации. В этом смысле реальные и литературные псевдонимы и прозвища имеют большое сходство. В большинстве случаев они передают отношение к носителю имени или дают автохарактеристику, если вторичный оним был выбран самим человеком.

В отечественной ономастике бытует представление о том, что «прозвище дается человеку окружающими в качестве своеобразной оценки именуемого», а «псевдоним создается самим человеком, нередко как особое средство самовыражения» [2, с. 168]. Очевидно, что в обоих случаях характеризующий потенциал вторичного онима конкурирует по значимости с его идентифицирующей функцией. Когда же речь идет о литературном ономастиконе, доказанным является тот факт, что в художественном тексте для любого ИС основные его функции – номинативная, дифференцирующая, идентифицирующая – отступают на второй план, уступая место второстепенным – адресной, указательной, социальной, стилистической, эмоциональной, экспрессивной, эстетической (изобразительной), характеризующей [3, с. 20–21], [4, с. 64], [5, с. 34], [6, с. 37].

Проанализируем встречающиеся в романе Б. Акунина «Черный город» прозвища, обратив внимание на их характеризующий и эмоционально-экспрессивный потенциал, при помощи которого выражается отношение к именуемому лицу.

Один из центральных персонажей романа – гочи (разбойник) Гасым носит прозвище *Кара-Гасым (Черный Гасым)*. Внешность героя соответствует именованию. При первой встрече с Фандориным он был одет во все черное, смуглый, с густыми широкими бровями и круглыми глазами, тоже черными. Даже внешне он вступает в контраст с Эрастом Петровичем, седовласым и одетым в белый костюм. Антиподами окажутся эти герои и по характеру: до конца честный и принципиальный, «белый» сыщик, который не смог поступиться своими принципами даже ради спасения жизни, и все это время обманывавший его «черный» гочи.

Белый цвет продолжает сопутствовать Эрсту Фандорину и далее. Местный лекарь называет его *Агбаш (Белая Голова)*. Вообще, почти все прозвища сыщика в романе связаны с головой. Так, Гасым, после того, как Фандорину пришлось сбрить безнадежно испачканные в нефти волосы, называет его *Юрумбаш (Круглая Голова)* [7, с. 140], а раздраженный поведением Эрста Петровича придумывает новые имена: *Глупый Башка, Упрямый Башка* [Там же, с. 253]. Вероятно, потому, что основная и самая сильная примета Фандорина – ум, его прозвища связаны с головой. Не случайно, наверное, и то, что получает их сыщик в основном от Гасыма, который подчеркивает в общении с Эрастом Петровичем свою силу в противовес рациональности сыщика. Здесь можно усмотреть скрытую иронию Акунина: каким бы умным ни считал себя Фандорин, гочи в итоге оказался умнее: все время водил его, «как собаку на поводке» [Там же, с. 360], знал о его планах и талантливо подыгрывал легковерному поклоннику японских традиций.

Еще один значимый персонаж, лидер по количеству принадлежащих ему прозвищ, революционер-эсер, настоящее имя которого, указанное в досье Охранного отделения, – *Иван Иванович Иванцов* («Буква „ц“, всунувшаяся в абсолютно бесцветное прозвание ближе к концу, придавала фамилии легкую насмешинку, издевательское прищипывание» [Там же, с. 9]). Вероятно, Аку-

нин дал такое «шаблонное» имя своему герою, чтобы подчеркнуть, что значение имеют его прозвища, только они действительно отражают особенности характера персонажа. Эта мысль подтверждается текстом. Знакомясь с досье революционера, Фандорин не обращает внимания на длинный перечень фальшивых имен, а вот клички читает с особым вниманием: «По тому, какие прозвища человек себе выбирает, можно кое-что понять о его характере» [Там же]. В отличие от прозвища *Одиссей*, данного эсеру Охранкой, вторичные имена Иванцова всегда связаны с птицами: *Дрозд*, *Сокол*, *Стриж*, *Дятел*, *Дятел-добытчик*. В тексте романа герой так объясняет свой выбор:

Всегда, с самой юности, он брал только птичьи клички. Ему нравились птицы. Потому что летают. А нынешняя кличка возникла из прекрасной, хоть малоизвестной поговорки «Дятел и дуб продалбливает» [Там же, с. 83].

Добытчиком Дятел назван потому, что является главным финансистом большевистской партии. Шубин, подполковник полиции, так его характеризует: «Стук слышать, а самого не видно» [Там же, с. 197]. Встречается и гибридное прозвище персонажа: *Дятел-Одиссей*, *Одиссей-Дятел*. Повествователь предположил, что Охранному отделению было бы логично дать неуловимому большевику орнитологическое прозвище *Феникс* [Там же, с. 18], но по какой-то причине оно этого не сделало.

Почему же Охранка назвала неуловимого революционера *Одиссеем*? Вероятнее всего, из-за его осторожности, ума, хитрости. В романе прозвище сопровождает эпитет «хитроумный» [Там же, с. 28], данный Гомером своему Одиссею.

Ряд мифологических прозвищ продолжает именование *Афина*, которое жандармы присвоили в Охранном отделении своему агенту-провокатору. Эту «достоинейшую даму» [Там же, с. 7], а вместе с ней и сыщиков Охранки, *Одиссей* обманул, получив от нее оружие и возможность проникнуть на Царскую тропу для осуществления своего плана: убить императора (на самом деле это тоже был обман: убить эсер хотел Спиридонова). Узнав это, Фандорин в сердцах называет Афины дурой. Автор иронизирует: в романе *Одиссей* оправдывает свой эпитет *хитроумный*, а вот *Афина* (богиня мудрости) – напротив. В ней «не оказалось ничего божественного. Баба хитрая и даже изворотливая, но совсем не умная» [Там же, с. 18].

Тематически для псевдонимов сильна в романе не только мифологическая, но и орнитологическая линия. Даже Эрасту Фандорину доста-

лось «птичье» именование, и автором его был знаток этой темы *Одиссей-Дятел*. Размышляя о сыщике, он называет его *соловьем*: «Соловей любит петь соло, а значит, не особенно опасен» [Там же, с. 86]. Когда Эраст Петрович пытается получить информацию о *Дятле*, среди местных разбойников обнаруживаются лезгинский бандит *Белый Сокол*, русский налетчик *Сокол*, тюркский головорез *Лешийен (Стервятник)*, армянский нарушитель закона *Черный Ястреб*. Почти со всеми названными птицами связана сема «скоропись», немаловажная для успеха в разбойничьем деле.

Коррелирует с «птичьими» кличками разбойников «кошачье» прозвище подполковника Тимофея Тимофеевича Шубина, по долгу службы призванного «охотиться» на правонарушителей. В городе его зовут Котофеем Котофеевичем, жандарм действительно и внешне, и повадками напоминает «раскормленного кота». Шубин не сказал, а «промурлыкал», не забрал, а «мягким движением, будто котище лапой, подгреб к себе выигрыш» [Там же, с. 102]. Взятки подполковник «выигрывает», с собеседниками тоже играет, как кот с мышкой, на протяжении всего текста автор подчеркивает соответствие персонажа его прозвищу. Это хитрый, но вовсе не ленивый кот, и даже Фандорин отдает ему должное, заключая про себя, что с ним иметь дело – одно удовольствие, и хотя котище этот себе на уме, но «мышей ловить умеет» [Там же, с. 200]. Ясность ума подполковника и трезвая оценка обстоятельств проявляются и в ситуации самохарактеристики уничижительным прозвищем *Шубин-Пальтишкин-Кацавейкин*. Жандарм понимает, что в Баку он – неофициальный хозяин города, но в масштабах империи он никто, «какой-то Шубин-Пальтишкин-Кацавейкин» [Там же, с. 268], а его амбиции значительно больше, чем просто обеспеченная жизнь. Он мечтает о карьере имперского масштаба, и нисходящая «гардеробная» автохарактеристика (шуба – пальто – кацавейка) указывает, что Тимофей Тимофеевич не ослеплен своим «местечковым» величием.

«Птичьи» и «кошачью» клички в романе можно отнести к прозвищам, содержащим в себе описание характера, особенностей поведения, желательных или действительных. Встречаются прозвища, семантика которых связана с внешностью носителей имени. У разбойника *Хачатура Однорукого* действительно одна рука; *Хромой* хромает; *Краб* тоже однорук, вторую руку заменяет протез; неизвестного седебородого посетителя Гасым именуется *Седой борода*, по обыкновению заменяя женский род на мужской в случае, если хорошо относится к именуемому.

Метафорична кличка-образ, придуманная *Дятлом* по отношению к такому абстрактному понятию, как самодержавие: он называет его *Слон*, выстраивая в уме целые картины с этим большим и неповоротливым, тупым, по мнению боевика, животным, а ряд убийств и провокаций, организованных с целью свержения самодержавия, называет «Слоновья охота» [Там же, с. 86].

Основано на пристрастии героя к одеколону с жасминовым запахом прозвище *Жасминовый*, данное Фандориным (считающим этот аромат неприятным) Вайсмюллеру, похитившему Эраста Петровича из гостиницы после нескольких тщетных попыток австрийцев наладить с сыщиком контакт.

Перейдем от прозвищ к псевдонимам, также выполняющим характеризующую функцию и способным, при подробном анализе, дополнить портрет героя-носителя онима.

Один из центральных персонажей романа, жена Фандорина Элиза Алтайрская-Луантэн, предстает под новым именем *Клара Лунная*, якобы более благозвучным для поменявшей театр на кино актрисы. Вспомним историю знакомства Эраста и Элизы (роман «Весь мир театр»). Фандорин увидел Алтайрскую на спектакле «Бедная Лиза», где она играла главную роль, и влюбился в нее. Довольно прозрачны параллели имен сыщика и актрисы (Эраст и Элиза) с именами главных действующих лиц спектакля (Эраст и Лиза). Можно предположить, что в этом сходстве автором заложена трагичность отношений Фандорина и Алтайрской-Луантэн. Вспомним также, что и мать, и первую жену Эраста (и, забегая вперед, последнюю тоже) звали Елизаветой. Мать Эраста Петровича умерла в родах, и безутешный отец назвал мальчика по имени героя сентиментальной повести Н. Карамзина «Бедная Лиза», по сюжету которой Эраст губит влюбленную в него крестьянку Лизу. Первая любовь Фандорина, Елизавета Александровна фон Эверт-Колокольцева, погибает в день свадьбы. Подготовленный этими событиями читатель склонен предположить, что и с Елизаветой Алтайрской-Луантэн (Элизой) ничего хорошего не выйдет. И вот в «Черном городе» героиня выступает под другим сценическим именем. Новое имя Элизы – Клара – означает «светлая», оно уже не имеет такого ассоциативного фона, как Елизавета. Однако со значением имени диссонирует внешность актрисы, которой ради роли пришлось перекрасить волосы в черный цвет. Смена фамилии с Алтайрской (Альтаир – самая яркая звезда созвездия Орла и одна из самых ярких на небе) на Лунную добавляет декадентского шарма, но продолжает «небесную» тематику в именовании

актрисы. В романе с первых страниц становится понятно, что отношения мужа и жены трудно назвать безоблачными. Фандорина раздражает в ней все, включая и «манерный», «пошлый» [Там же, с. 37] псевдоним, между ними нет ничего общего, чего нельзя сказать о *Леоне Арте*, чье имя также является псевдонимом. Режиссер и спонсор картины, в которой снимается Клара, племянник нефтяного магната из Баку Месропа Карапетовича Арташесова Левон Арташесов пылко влюблен в Лунную, и та отвечает ему взаимностью. Им, по мнению проницательного Фандорина, актриса «способна увлечься всерьез и надолго», ведь у них столько общего [Там же, с. 63]. Отметим, что нуворишу его псевдоним, органично составленный из реальных имени и фамилии, очень подходит: густая шевелюра делает его похожим на льва, а утонченные и одухотворенные черты лица, манеры выдают в нем человека искусства (art – англ. ‘искусство’).

Связан с артистическим миром и Семен Трифонович Скориков, он же Сенька Скорик, хитровский воришка. В романе он носит звучное имя *мсье Симон* (переименованное на французский манер имя Семен) и предстает уважаемым кинопродюсером.

В «Черном городе» есть второстепенный персонаж, не связанный с миром искусства, но также носящий псевдоним. Это Эммануил Карлович де Сент-Эстеф, директор Департамента полиции, тайный советник. Смена имени на женское *Эмма* (производное от реального Эммануил) объясняется необходимостью конспирации в переписке, в частности, с Эрастом Фандориным. Никаких иных мотивов, кроме созвучия, псевдоним, полагаем, не имеет. Вынужденный «маскарад» заставляет понервничать Саадат Валидбекову, бакинскую возлюбленную Эраста Петровича, которая от услужливого портье гостиницы узнала содержание телеграмм, поступивших на имя Фандорина. Однако вскоре она поняла, что ее опасения напрасны.

Достается единожды упомянутое прозвище и самой Саадат. В этот раз в маскараде участвует и она, и сыщик. Переодевшись в профессиональную кокетку и прожигателя жизни и захватив с собой слуг, они отправляются спасать похищенного сына Саадат. Фандорин называет ее *Жанночкой*, уменьшительной формой имени, поведением подчеркивая фривольность отношений с «дамой полусвета». Такое обращение с бакинской нефтепромышленницей сыщик позволяет себе лишь единожды и в рамках «спектакля». Во всех других ситуациях Фандорин вежлив и предупредителен и называет Саадат «мадам Валидбекова», «госпожа Валидбекова».

Практически все центральные действующие лица романа «Черный город» имеют более или менее устойчивые вторичные именованья – прозвища или псевдонимы. С их помощью раскрываются или подчеркиваются особенности характера и поведения персонажей, выражается отношение к ним других лиц или их собственное мнение о себе. Для некоторых героев (Элиза Алтаирская, Сенька Скорик, Левон Арташесов) смена деятельности повлекла за собой и смену имени. Для других (Иван Иванович Иванцов, Эммануил Карлович де Сент-Эстеф) псевдонимы и прозвища – часть профессиональной конспирации. Вторичные имена могут отражать представления героя о себе (для Иванцова) или быть лишь созвучны реальному имени (для Сент-Эстефа). Тимофею Тимофеевичу Шубину прозвище досталось за особенности поведения по созвучию с «паспортным» именем. Героиня нарушители правопорядка (Гасым, Хачатур Однорукий и др.) традиционно носят клички, индивидуализирующие их в преступном мире и нередко указывающие на физические особенности (одна рука, хромота, смуглость). Австриец Вайсмюллер и нефтепромышленница Саадат Валидбекова получили новые имена «по случаю», они за ними не закрепились в той же степени, как за другими героями произведения. Центрального персонажа Эраста Петровича Фандорина называют, как правило, при помощи паспортного имени в разных сочетаниях (Эраст Петрович, Эраст Фандорин, Фандорин), но героиня криминального мира Гасым и Дятел дают ему придуманные ими клички, которые отражают их отношение к сыщику или подчеркивают особенности его внешности и поведения. Так, при помощи прозвищ и псевдонимов Борис Акунин расширяет семантико-стилистические и эмоционально-экспрессивные возможности именованья героев романа, дополнительно индивидуализирует не только носителей вторичных имен, но и тех, кто их придумывает. В руках автора неофициальные именованья становятся инструментом, с помощью которого высвечиваются неявные на первый взгляд черты характера и поведения героев, их амбиции, планы, желания, стремления, такие они могут контрастировать с образом персонажа, позволяя автору добиться комического

эффекта или заставить по-новому взглянуть на действующее лицо. Наличие неофициальных именованья оживляет текст, наполняет его эмоциями и ассоциациями, делает более атмосферным.

Список источников

1. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.
2. Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981, 176 с.
3. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 336 с.
5. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: Изд-во Ленингр. унта, 1990. 104 с.
6. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. № 4. 1986. С. 34–40.
7. Акунин Б. Черный город. М.: «Захаров», 2012. 368 с.

References

1. Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoe pole russkogo yazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [The Onomastic Field of the Russian Language and Its Artistic and Aesthetic Potential]. 172 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)
2. Superanskaya, A. V., Suslova, A. V. (1981). *Sovremennye russkie familii* [Modern Russian Surnames]. 176 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Bondaletov, V. D. (1983). *Russkaya onomastika* [Russian Onomastics]. 224 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
4. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Nouns]. 336 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
5. Fonyakova, O. I. (1990). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [The Proper Name in a Fictional Text]. 104 p. Leningrad, izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian)
6. Karpenko, Yu. A. (1986). *Imya sobstvennoe v khudozhestvennoi literature* [The Proper Name in Fiction]. *Filologicheskie nauki*. No. 4, pp. 34 – 40. (In Russian)
7. Akunin, B. (2012). *Chernyi gorod* [Black City]. 368 p. Moscow, Zakharov. (In Russian)

The article was submitted on 19.07.2022
Поступила в редакцию 19.07.2022

Паневина Ирина Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Военная академия войсковой
противовоздушной обороны Вооруженных
Сил Российской Федерации имени Маршала
Советского Союза А. М. Василевского,
214027, Россия, Смоленск,
Котовского, 2.
ira_twin@mail.ru

Panevina Irina Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Russian Federation Army Air Defense Military
Academy named after Marshal of the Soviet
Union A. M. Vasilevsky,

2 Kotovsky Str.,
Smolensk, 214027, Russian Federation.
ira_twin@mail.ru